

Дарённый конь

Денис Тихий

ФАНТАСТИКА

Солнце маленькое, зеленое, но жарит так, что в полдень на открытое место не выходи — спечешься. Слоувен, руководитель экспедиции, с нутряным стоном прикрыл глаза, но и под веками разливался изумрудный свет. Он надел темные очки и зашипел — уши саднило. Третий месяц на Огороде, а уже натер очками мозоли на ушах. Курам на смех!

Огородом планету OG-OP-10D прозвали геологи. Переиначили индекс, присвоенный Компанией, да и аборигены очень смахивали на капустные кочаны. Теперь-то геологов тут нет — погрузились со своим барахлом на «зеркалку» и бликанули потрошить планетарные внутренности на соседнюю OG-1P-20D. Новой сенсации на обугленном базальтовом колобке Слоувен не ждал — планеты вроде Огорода встречались редко.

Месяц назад прибыли лингвисты-контактеры из Секты Умников и военные из Секты Чтущих Устав. Умники вытряхнули из трюма МОЗУСА (полторы тонны мыслящей щебенки, что-то там мозаично-универсальное — Слоувен не помнил, как это расшифровывается). Просушили его под солнцем, активировали — МОЗУС слипся в большой шар. Нацепили антигравитационный бублик и поволокли в сторону деревни аборигенов. А Чтущие Устав первым делом поставили ритуальный Сортир, пятиподбородочный полковник освятил Казарму, и вот уже целый день лопухие солдатики с наслаждением бьют пыльный Плац сапогами. Пятиподбородочный — знак особого статуса, обычно на сырьевые миры Компания трехподбородочных присылает. Дело такое, Огород напичкан полезными ископаемыми. Да что там говорить, пока яму под Сортир рыли, нефть нашли.

Слоувену все это осточертело. Остоелозило. Скорей бы запустить уже автоматические добывающие комплексы и бликовать домой — мозоли на ушах лечить. Проблема была в аборигенах, а вернее, в их разумности. Общественная структура есть? Есть. Язык есть? Ну, есть что-то такое. Получай, Слоувен, население с коэффициентом разумности «ноль два це» и сиди тут сиднем, пока контактеры не разберутся, кто на этой грядке главный овощ, и не подпишут договор на аренду недр. Слоувен с горя плюнул — плевков начал тихонько шипеть и пузыриться по краям.

База располагалась в лесу, недалеко от побережья. Вокруг росли деревья, похожие на застывшие мармеладные протуберанцы. На Огороде господствовал мелкий океан — метров пятнадцать в самом глубоком месте. Материков не наблюдалось, а крупных островов было всего три. На самом крупном и высадились. Пока роботы возводили базу и разгружали геологическое оборудование, на аборигенов никто и внимания не обращал — ползают какие-то капустообразные по лагерю, не кусаются, ядом не плюются — да и пусть их. Вот на Грибнице они высадились рядом с кладкой мирмицинов — и те всем дали прикурить! Слоувен даже в постель с гауссовкой ложился. Но мирмицины, хоть и отличались характером боевых роботов-убийц, были совершенно неразумны, а значит, можно было спокойно оставлять

добывающие модули, и хоть трава не расти. Она, кстати, спустя месяц добычи расти перестала.

В каюте он первым делом полез под душ. Вода была холодная, бодрящая, но уже пахла какой-то местной флорой — опять фильтры засорились. Он с ненавистью вытерся и посмотрел в зеркало, далеко высунув язык. Обложило! Эх, мать! Точно в карантин упакуют. Распахнул шкафчик, тоскливо посмотрел на тюбик обувного крема по соседству с зубной пастой. Нет, рано. Хлопнул дверцей и завалился на койку. Взгляд упал на сувенир, подаренный внучкой перед дальним бликом, — стеклянный шар с маленьким домиком внутри. Потрясешь — домик окутывается белой невсамделишной метелью из пластмассовой пыли, и надпись на подставке «Добро пожаловать в Гринвуд!» начинает бледно мерцать. В дверь постучались.

— Открыто!

— Не помешаю? — В комнату протиснулся толстяк Ашман, руководитель Умников. Слоувен с ним ладил, хоть и считал, что контактер лишен смелости, необходимой в их работе на Компанию. Да, он отстреливался на Грибнице не хуже Слоувена, но вот отдать приказ «Пли!» пороху у него не хватило. Все боялся, что мирмицины разумны. Ответственности боялся, ответственности.

— Заходите, Ашман. Скоро мы уже отсюда свалим?

Ашман поискал глазами, куда сесть: в каюте Слоувена был невиданный бардак, словно роботы-уборщики обходили его стороной.

— Вон кресло, — сказал Слоувен. — Хотите бутерброд?

— Тут у вас...

— На пол, на пол.

Ашман аккуратно переложил ком каких-то светящихся глянцевого шлангов на пол и уселся. Из-под стола выскочил робот-уборщик, экстатически заверещал и принялся пихать шланги в свое нутро. Вид у него при этом был вороватый. Ашман невесть почему вдруг вообразил, что под столом у робота тайничок, где он трепетно хранит всякие мелочи хозяина: украденную запонку, пробку от бутылки, бутербродные крошки.

— Прекратить! — рявкнул Слоувен. — Каждый день его перепрограммирую. Экая зараза — так все приберет, что в год не найдешь.

Робот втянул лапки и убрался под стол. Ашман закинул ногу на ногу, вытер платком лысину, прокашлялся и сказал:

— У меня две новости: хорошая и плохая.

Никогда у них двух хороших новостей не бывает. Плохая и плохая — это запросто.

— Валяйте хорошую.

— Контакт установлен! — просиял Ашман.

— Да ну?! Можно активировать мои копалки?

— Как только заключим с аборигенами договор — можно.

— Вот уж разодолжили, Ашман! Старина МОЗУС не сплеховал?

— МОЗУС не устанавливает контакт, он просто создает метаязык, с помощью которого можно максимально точно понимать местную речь, — уселся Ашман на любимого конька.

— Оставьте подробности себе, — махнул рукой Слоу-вен. — Договор составили?

— Подождите, есть и плохая новость.

— Что еще?

— На Огород сегодня прибудет Зеленый с инспекцией.

Слоуен швырнул на пол недожеванный бутерброд, вскочил с койки, пнул робота и выматерился.

— Твою ж галактику! Как они пронюхали?

— Видать, кто-то из геологов насвистел. У нас же с утили-зацией отходов все в порядке?

— Черта с два. Вы же знаете, как Компания считает де-нежку. Утилизация — это считай минус тридцать процентов прибыли. Да еще оборудования сколько надо приволочь. Мы же по необитаемым планетам в основном, сами знаете, а тут — такая находка!

— Что, большой ресурс?

— Во! — Слоуен постучал ладонью по кадыку. — У них тут под болотом...

— Это океан.

— Один черт! Солиума — хоть залейся. Ну просто встав-ляй трубочку и соси, как лимонад. И угораздило же нас най-ти эту деревню! Там у солиума есть всякие сопутствующие фракции, ядовитые, как зараза. Давят экологию. Да он и сам токсичный, вы знаете. Не будь аборигенов — сливали бы прямо в болото.

— В океан.

— Ну, в океан. Все равно болото получится. А теперь, понятно, налетят Зеленые, как мухи, общественность вце-пится и — ау, квартальная премия! Рентабельность ниже плана, это значит никаких надбавок, а у меня кредит за дом не выплачен. Я вообще, если хотите знать, думал, что на пенсию выйду и буду рыбку ловить, да любоваться горами.

— Дом в Чистой Зоне? — с уважением спросил Ашман.

— А как же! Я же заслуженный разведчик. На берегу Гринвудского озера.

— Завидую.

— И у вас такой будет. Вот поразгребаете дерьма с мое — и будет.

— Вот такие у нас делишки, Слоуен.

— Хреновые делишки. Слушайте, а местные-то не против копалик? Какую плату требуют?

Ашман широко улыбнулся:

— Не против. Я им голограммы показывал. Им нравится все большое и блестящее. Помните, как они на посадоч-ный модуль глазели? А с платой пока непонятно. У них тут забавная цивилизация — полное отсутствие товарно-де-нежных отношений.

— Дикари! — бросил Слоуен.

— Да нет, у дикарей товарообмен как раз бывает, а у местных — нет. Биология.

— Она-то тут при чем? — нахмурился Слоуен, услышав нелюбимое словечко.

— Им еда не нужна. Они солнцем питаются. Видели у них всю эту листву?

— Мыслящие растения?

— Подозреваю, что они симбионты, вроде наших грибов, только еще могут передвигаться. Правда, медленно.

— Ну ладно, есть им не нужно. А одежда? Инструмен-ты? — Слоуен припомнил курс истории цивилизаций, преподанный в школе Компании. — У охотников есть зве-ринные шкуры, а у ремесленников луки, скребки всякие. Как же без товарообмена?

— Они не охотятся. И домов не строят. Насколько я по-нимаю, у них нет инструментов.

— А вот не верю. Видели на берегу эти каменные столы?

— Конечно. Удивительные сооружения, вероятно, ре-лигиозные.

— Как наши кочаны их построили?

— Не мой профиль, Слоуен. Давайте пригласим экзо-историка, физика и...

— Давайте, Ашман. За ваш счет. Одна транспортировка в копейку станет.

— Вот и не задавайте мне таких вопросов, — обиделся Ашман. — Я специалист по контакту, а не по стоунхенджам.

— Да пошли они, умники эти! — в сердцах сказал Слоу-вен. — Простите, Ашман. Я их пригласил по молодости на Самсу, есть такая планетка около Ригеля. Набежали и давай своими метелками раскапывать какие-то древние черепки.

— Цивилизация Звездных Китов, я что-то читал...

— Самые большие запасы дейтрона не хотите ли? И год разведки киту под хвост! Всё! Археологический запо-ведник там теперь.

— Ладно, я пойду, Слоуен. Надо еще проанализировать местные обычаи. Что-то я никак не соображу, как составить договор, если у них понятия мены нет.

— Давайте, Ашман, анализируйте получше. Если про-катит, подам начальству рапорт, чтобы вас премировали.

— Спасибо. — Толстяк выбрался из кресла и уже от двери добавил: — А Зеленого сами встретите?

Слоуен скривился и замахал на ученого руками.

Зеленый прибыл в обед, и был он таковым во всех смыс-лах этого слова: молодой и с генно-модифицированной кожей. Все они зеленокожие, когда служить начинают, но к пятидесяти буреют, тоже во всех смыслах этого слова. Слоуен встретил его около Зеркалки.

— Слоуен, руководитель экспедиции.

— Клим Переспелый, старший инспектор.

Пожали руки и сразу пошли в столовую. Хороший про-веряющий — сытый проверяющий.

— Ой, а давайте по травушке не пойдём? Давайте тут?

— Тут Плац.

— Ну и что?

— Тут только строевым шагом.

— Прикольно!

Слоуен шлепал строевым шагом за гарцующим Климом. Слева два солдата, розовея ушами, мели Плац ломами. Ушастость — тоже знак субординации. Чем плотнее при-жаты уши — тем выше звание. «Живот трясется, — думал Слоуен. — Наел, понимаешь, пузо. И рожа красная! Какое унижение! Черт бы с ним, лишь бы подписал все. С виду — редкостный лопушище!»

В столовой было прохладно. Военные синхронно скребли ложками по ритуальным алюминиевым мискам. В стороне вяло жевал Ашман. Пищевой автомат, крякнув, выдал два запечатанных контейнера. «Ушицы бы сейчас, — подумал Слоуен, — да с костерка бы».

— Идемте к Ашману, это наш главный Умник. Хелло, Ашман!

Ученый приветствие проигнорировал: опять на автопи-лоте — мозг подключил к МОЗУСУ, а тело утоляет свои биологические нужды. Не любил Слоуен этих фокусов.

Они пересели за соседний столик. В контейнере лежа-ли три брусочка — синий, оранжевый и белый. А вчера были красный, желтый и опять же белый. Их надлежало тщательно разжевать и проглотить. Дневной рацион. А благодаря белому брусочку отпадала необходимость

делать на посадочных модулях унитаза. Таких фокусов Слоуен тоже не любил. Он вооружился ложкой, отделил треть синего брусочка и мрачно задвигал челюстями. Клим радостно смешал питательный гель в цветную кашу-малашу.

— Послушайте, Клим...

— Секундочку, у меня внутренний. — Зеленый прижал палец к уху и заговорил вполголоса: — На месте. Обедаю. Нет пока. Понял. Проверю. Всё. Люблю. Поцелуй за меня малыша...

— Сын? — спросил Слоуен.

— Фикус!

— То есть? — удивился Слоуен.

— Фикусис вулгарис. Мы с женой его усыновили.

— Фикус?

— А что вас смущает?

— Нет-нет, все нормально. Меня вот внучка дома ждет. Малышка. В смысле — ребенок. Человеческий. А у вас дети есть?

— Приемные: Гераньчик с Каланхойчиком. Фикус — это младшенький, мы его на рейде в одном офисе изъяли. Знали бы вы, чего он там натерпелся! Неделя без полива — это что! В грунте обнаружили следы кофе, чая, даже два окурка! Бедный малыш...

— Н-да. — Слоуен изобразил бодрящую улыбку. Вот такие они — Зеленые, совсем разума лишены.

— Разрешите поинтересоваться вашими планами?

— Да все стандартно. Сейчас сходим посмотрим ваше оборудование, потом — в деревню к местным. Кто они? Приматы?

— Кочаны такие, с ножками.

— Ах, какая прелесть! Потом составим протокол о нарушениях...

— Почему о нарушениях? — напрягся Слоуен. — Может, наоборот, об этих... о поощрениях?

— Может быть, — холодно ответил Клим, — тогда это станет первым случаем за мои сорок лет очень плотной работы.

— Вам и тридцати на вид нет, — прошептал Слоуен.

— А я веду здоровый образ жизни. Ну что? — Клим ткнул пальцем в браслет, мелькнул световой веер, и над ладонью соткался виртуальный свиток. — Пошли на хозяйство? У меня тут восемьсот точек проверки — до ночи бы успеть.

Слоуен неверной рукой выдавил в стакан обувной крем, добавил колбаску зубной пасты, налил доверху воды и стал делать болтанку чайной ложкой.

— Сами придумали?

Рубашка у Ашмана на животе расстегнулась, на Слоуена нагло паялился волосатый пупок. Они приняли уже по три рюмки, и черно-зеленая ночь за окном перестала казаться такой чужой. Там что-то инопланетно шебуршало, в этой ночи, и единственными родными звуками были крики солдатиков из Казармы. У Чтущих Устав закончился стодневный Пост и начался болезненный ритуал вызывания Духов и превращения их в Черпаков.

— Не сам. Геолог один надоумил.

— Даже пьется ничего. Только воняет у вас, как в обувном магазине.

— Ладно уж, наука, пей, не кочевряжься.

Он аккуратно сцедил пойло и плеснул по двум рюмкам. Чокнулись и опрокинули.

— Так что Зеленый-то? Всё проверил?

— Всё, — поймав ртом воздух, просипел Слоуен. — Как есть всё. После его рапорта можно собирать манатки и

валить отсюда.

— Какой уровень нарушений поставил?

Рука у Слоуена дрогнула, рюмка упала. Он попробовал ее поднять, но чуть не кувыркнулся следом.

— Вето. В-е-т-о, Ашман. Полный запрет на добычу. А чего ты хотел — говорящая капуста! Да он с фикусом нянчится, а тут такое! Лучше бы я вообще эту планету не находил. Скотина! — гаркнул он вдруг.

Приросшие к окну древесные медузы перестали шебуршать, в ужасе раскрыли крылышки и улетели во тьму.

— Жалость-то какая, — пригорюнился Ашман. — Но вы не убивайтесь так.

— Почему? — с надеждой спросил Слоуен.

— Один черт ничего бы не вышло. Местные не понимают, что такое аренда. И плата. У них даже слов таких нет. А раз не поняли, то и договора не будет. А раз не будет договора... Тут еще Зеленый этот. Провал по всем фронтам.

— Овощи безмозглые. Деревенька-то ма-а-хоньякая. Надо было при посадке дюзами легонечко вильнуть. Какая деревня? Ничего не знаю, удачное место для высадки!

Ашман рассмеялся было, да сразу осекся, заглянув в глаза начальнику. Алкоголь распеленал покровы вокруг тайного, жутенького Слоуеновского ядрышка. И теперь оно без стеснения смотрело на Ашмана сквозь красные глазки своего носителя. Ученый вдруг понял, почему Слоуен и подобные Слоуену делали в Компании карьеру. Это сама Компания смотрела на Ашмана — жадное, неряшливое Нечто, сплотившее вокруг себя людей и лишившее их совести.

— Бросьте шутить. Они действительно разумны.

— Плевать на них. Я бы их всех... У вас дети есть? Я за внучку, я за нее... — Слоуен сжал тюрбик, и черный обувной крем ляпнул на стол.

Но вдруг ядрышко поняло, что надо поменьше болтать. И глаза Слоуена стали обычными — пьяными и расстроенными. «Мерещится дрянь всякая!» — подумал Ашман.

— Чего уж там, — махнул рукой Слоуен, — все равно поздно.

— Знаете, вообще у меня есть одна зацепочка. — Ашману захотелось показать, что он тоже не лыком шит, что он может. — Но — вето! Даже если и подпишем договор, Зеленые его обжалуют.

— Взятка? — подобрался Слоуен. Взятки местным жителям ему давать приходилось. Как-то на Хэттене он купил материк за две пачки сигарет и зажигалку, за что и получил повышение до начальника экспедиции.

— Подарок. Они тут не торгуют и не меняются, но подарки дарят. Я им предлагал, чтобы они нам планету подарили.

— Не пройдет, — жестко оборвал Слоуен. — Это вообще подсудное дело. А если так: они нам планету дарят, а мы им... что-нибудь хорошее?

— У них есть аналог нашего слова «дурак». Это как раз тот, кто выпрашивает подарки.

Слоуен взял в руки внучкин подарок, устроил в шарике метель. Пока Ашман нес ахинею про иерархию Огородного общества, про интереснейшие аспекты растительного языка, Слоуен раз за разом взбалтывал этот шарик и вдруг швырнул его в стену.

— Вы идиот, Ашман! И я идиот! Все ведь проще простого!

Чуть свет Ашман и Слоуен сидели в кабине вездехода. Он ехал в сторону деревни.

— Что наверху? — спросил Умник.

— Удивились. Но поняли. Приняли риск. Всё согласовали. Теперь главное вам не оплошать.

— Дело простое.

— Знаю.

Вездеход переполз через холм, и взгляду открылось широкое побережье. Зеленый океан захлестывал берег вязкими, кисельными волнами. Слева высились огромные каменные столы — три колонны и квадратная плита. «Как же, черт возьми, они это построили?» — мельком подумал Слоувен. От столов идеальными кругами расходилась деревня. Или колония. Или грядка.

— Вы им название-то придумали? Все забывал спросить.

— Да так и прижилось — кочаны.

Кочаны сидели в своих лунках — взрослые с краю, молодая поросль в центре. Вездеход осел, не доехав до них ста метров. Слоувен и Ашман спрыгнули на землю.

— Кто тут главный?

— Безразлично. Самый общительный — Щаф. Тот, что с красными пятнышками.

От соседнего вездехода бежал Клим. Слоувен спокойно, улыбаясь, смотрел на него. «Дурак же ты, братец!» — думал он. Клим был взбешен, лицо покрылось какими-то гнилостными пятнами.

— Какого черта, Слоувен?! У меня есть сигнал — вы активировали добывающие комплексы! Всю дюжину! Может быть, это случайное срабатывание? А? Я сейчас свяжусь с руководством! В тюрьме окажитесь, Слоувен! Комитет наложил вето на добычу Компанией любых полезных ископаемых на планете. Да я...

— Доброе утро, инспектор. Как спалось?

— Что? Зачем вы сюда приехали? Что вообще происходит? Имейте в виду, я все записываю!

— Да записывайте, у Компании нет секретов. Идем. Все увидите.

Главный кочан приветливо похрустел листвой и что-то залопотал. Остальные выбирались из лунок и сползались к Ашману — тот устанавливал на треноге электронного толмача. Раньше Слоувен особо к аборигенам не присматривался, поэтому теперь они были ему внове. Кочаны подпрыгивали на месте, как нетерпеливые детишки. Что-то уцепилось за его руку — Слоувен увидел маленького кочана, ухватившегося за браслет мясистым зеленым... щупальцем?

— Вртшшш! — проворковал кочан.

— Ашман? Чего ему надо?

— Э... все нормально, шеф, они же форменные сороки. — Ашман пыхтя, соединял какие-то шнуры.

— Вртшшш! Хфру! — требовательно сказал кочан.

В голове Слоувена громко щелкнул толмач, и вдруг шелест кочанов, безынформативный, как и всякий шелест, сменился веселой, возбужденной болтовней.

— Что это, — говорил кочан, — такое красивое блещет?

— Браслет, — ответил Слоувен. — Для связи и вообще.

Кочан отпустил его руку и крикнул своим:

— Это блещущая наделалка!

— Как интересно.

— Яркая.

— Хладнокаменная? Хро, ответствуй, она хладнокаменная?

— Хладнокаменнее не бывает, Щаф!

— Дайте потрогать! Дайте же мне!

— Не топчитесь по кочерыжке, молодежь!

Кочаны по одному подходили и благоговейно трогали браслет Слоувена. Он вспомнил вдруг, как приходил забирать внучку из детского садика. Детишки так же собрались вокруг и смотрели на его бороду, черный китель. Так же трогали золотую масленку, висящую на поясе вместо кортика.

Ашман помахал ему рукой, Слоувен осторожно высвободился и подошел к нему. Ашман нажал кнопку у себя на браслете и кивнул Слоувену:

— Давайте, говорите.

— Я? Вы же у нас контактер!

— Простите, Слоувен, но план ваш.

— Струсили?

— Я, собственно...

— Чистеньким отовсюду выйти хотите? Ладно.

Слоувен повернулся к толпе кочанов. Не к месту вспомнил какого-то нищегорода, проповедовавшего птицам. Ну, поехали.

— Приветствую тебя, славный народ Огорода! И приветствую тебя, великолепный Вождь!

Кочаны запрыгали на месте, засуетились.

— Поменьше эпитетов, — прошептал Ашман.

— Что такое — вождь?

— Это — самый главный!

— Главнее Заступников?

— Тихо вам! Вождь — это такой дождь.

Слоувен поднял руки и возвысил голос:

— Вот и окончились наши дела в вашем мире. Пора теперь домой. Но перед отлетом я хочу сделать вам всем подарок. Как вы любите — большой и блестящий!

— И хладнокаменный?

— Конечно! Что блестящее — то всегда хладнокаменное!

— Я хочу!

— А я хочу-хочу-хочу!

— А я хочу вас всех хочу!

— Я знаю, — крикнул Слоувен, — у вас не принято выпрашивать подарки! Но я должен знать — хотите вы большой и блестящий подарок? Да не один, а целых двенадцать!

— Нет! — завопил Зеленый, наконец-то сообразив.

— Да-а-а!!! — одним могучим криком отозвалась деревня.

Из-за леса появился автоматический добывающий комплекс. Старый добрый АДК-94 времен Первой Волны. В те славные годы крошечная рудная компания «Тормато» забрасывала эти комплексы на все мало-мальски перспективные планеты. Комплекс был грязный, и после окончания выработки планета становилась малопригодной для жизни. Стратегия «грязной» добычи себя оправдала. За пятнадцать лет компания «Тормато» так раздулась, что потеряла имя, зато узурпировала слово «Компания».

АДК-94 шел медленно. На дороге перед ним мельтешила светящаяся сетка — компьютер сканировал почву. Комплекс по широкой дуге обогнул деревню и зашагал в море. В ста метрах от берега он остановился, потоптался на месте. Что-то в нем было от дряхлого дога, пристроившегося нагадить в песочницу. Присел и выставил шесть дополнительных опор. В пузе открылась стальная диафрагма, из нее выдвинулся сияющий силовыми полями цилиндр — комплекс активировал Основной Бур. Кочаны в восхищении смотрели на то, как из-за леса шагает следующий комплекс, и еще, и еще, и еще...

— Никакого суда не будет.

— Вы нарушили мое вето! Вы добываете солиум!

— Ашман, МОЗУСА упаковали? Пошевеливайтесь! У нас блик через два часа!

— Послушайте меня...

— Нет, это вы меня послушайте. Компания не добывает солиум на Огороде. Все двенадцать добывающих комплексов подарены, прошу обратить внимание на это слово. Подарены аборигенам.

— Да?! — взвизгнул Зеленый, ухватив Слоувена за рукав. — Думаете всех перехитрить?!

— Не заводитесь, Клим. Подумайте сами — ничего незаконного мы не делаем. Вы запретили нам добычу? Мы послушно свернули базу и покинули планету. Комплексы ввиду их ненужности подарили местным — благо они любят всё блестящее. Хотите судиться? Судитесь! Сколько лет будет идти эта тягомотина? Кто вам будет оплачивать инспекционные блики сюда? Аборигены?

Клим выпустил его руку, в глазах исчез безумный блеск. Он все понял. Слоуven придумал новый способ обходить вето. Компания распростиранит его на всех сложных мирах. Пока Зеленые протащат поправки в законы, пока их утвердят..

Вокруг суетились люди — тащили оборудование, демонтировали базу, орали, переругивались, топтали траву. Клим стоял неподвижно, глядя в землю.

— Вы... Вам их не жалко? Совсем? — спросил он Слоувена, но тот ему не ответил, поскольку был очень занят.

Через два часа на Огороде остались только военные, готовые выполнять свою главную функцию — охранять гигантский солиумный склад.

Хро и Щаф стояли на берегу моря.

— Мне уже разонравились эти штуки.

— Красивые, Хро. Блещущие. Смотри, как у нее крутилка закрутилась!

— Э-э-х, да, красиво. Хороший подарок!

— Очень любимый!

— Только мне жалко шорьков.

— А что с шорьками?

— Смотри, — протянул щупальце Хро.

Щаф расправил глаз и поднял его повыше. Грязные океанские волны несли к берегу жалкие трупки шорьков. Среди них вяло шевелили плавниками мюмзики.

— Горесть-то какая.

— Как праздновать День Клубня, если в океане шорьков не будет?

— Никак, понятно! Что за праздник без танцующего шорька!

— А с навой, видел, что?

— А что?

— Вся на деревьях залезла! А как медузам нереститься, коль нава на деревьях?

Хро бросил прощальный взгляд на подарок Слоувена. Как ни жаль, но надо вернуть.

— Пойдем на их грядку? — спросил он.

— Был на той неделе.

— И что?

— Они не хотят забирать свой подарок. Они забыли нашу речь.

— Как же нам быть?

— Надо попросить Заступников. Они сказали, что их очень радуют наши праздники.

— Верно.

— Они поставили Каменные Столы, чтобы собирать эхо нашей радости.

— Да, они так говорили.

— И еще они велели пожаловаться Каменным Столам, если радости что-то помешает. А ей мешает!

— Очень мешает! Пойдем жаловаться.

— Пойдем.

Рядовые Орлов и Ястребов сидели на смотровой вышке. Первый протирал ветошью трехфазный плазмомет, смо-

ФАНТАСТИКА

тревший тупым рыльцем в сторону деревни. Второй исполнял ритуал Написания Письма Девушке.

— Глянь, вся деревня у Стола собралась. Подпрыгивают.

— Попрыгаешь тут, если даже у нас фонить начало.

— Говорят, от этого импотенция развивается?

— Брехня. Наслаждайся свежим воздухом. Через неделю все в химзащите ходить будем.

— Слушай, у них там прям митинг какой-то!

— Дай по ним очередь.

— Да ну тебя. Сами скоро передохнут. Ветром потянуло с океана: чуешь, как воняет?

— Фу! Пойдем вниз! Глаза режет.

Орлов и Ястребов всыпались в караулку за противогазами. Они не видели, как Каменные Столы засветились бледным малиновым огнем. Как огонь этот стекал по колоннам, собираясь из ручейков в большие потоки. Гигантский протуберанец выпростался над островом, зазмеился в океан, обволакивая копалки. Да и что могли сделать обыкновенные солдаты против таинственных технологий неведомых Заступников, собирающих Эхо Радости жителей Огорода?

— Деда, а червяку не больно?

— Нет, заюшка. Он бесчувственный.

— Ничего не чувствует?

— Неа.

— А рыбке больно?

— А ты любишь, как бабка рыбу жарит?

Девочка в красном дождевике серьезно задумалась и посмотрела на деда снизу вверх.

— Как жарит — не люблю. А кушать — люблю.

— Сейчас мы с тобой поймаем рыбу. И баба пожарит.

Только молчок.

Слоуven с внучкой сидели на длинных деревянных мостках, уходящих в озеро. Внучка легла на живот и следила за шустрыми водомерками. Слоуven щурился на поплавок. Пролетела стрекоза, чиркнула воду, уселась на конец удочки. Как прекрасно утро, если впереди ждут только приятные дела! Он вышел на пенсию месяц назад, но еще не напился вдосталь замечательной деревенской лени.

Во дворе соседнего дома внеурочно загомосил петух. В лицо Слоувена пахло ветром и каким-то знакомым запахом. Запахом, неуместным тут, в Гринвуде. В безоблачном небе раздался громовой раскат. Вместе с ним над Гринвудским озером возникла сияющая точка. Она быстро росла, превратилась в содрогающийся шар, окуталась молниями. Слоуven схватил внучку в охапку, он бежал от озера, когда из дыры в воздухе вывалился первый автоматический добывающий комплекс. Он шумно затонул, а следом посыпались остальные. Шар растянулся толстым, гнойно-желтым блином, накрыл своим жутким зонтиком весь Гринвуд с окрестностями, все двести квадратных километров кропотливо восстановленной экологии.

А потом земля дрогнула, и над Гринвудом начался липкий, ядовитый, черный солиумный снег.